Ганс Христиан Андерсен

Хольгер-Датчанин

Есть в Дании старинный замок — Кронборг; лежит он на самом берегу Зунда, и мимо него ежедневно проходят сотни кораблей: и английские, и русские, и прусские. Все они приветствуют старый замок пушечными выстрелами: бум! Из замка тоже отвечают: бум! Это пушки говорят: «Здравия желаем!» — «Спасибо!» Зимой корабли не ходят, море замерзает вплоть до самого шведского берега, и устанавливается настоящая дорога. По ней развеваются датские и шведские флаги, и шведы с датчанами тоже говорят друг другу: «Здравия желаем!» и «Спасибо!», но уже не пушечными выстрелами, а просто, дружески пожимая друг другу руки, и одни посылают на берег к другим за булками и кренделями, ведь чужая еда всегда слаще! Но лучше всего здесь все-таки старинный Кронборг. В его глубоком, мрачном подземелье, куда никто не заглядывает, сидит Гольгер-Данске. Он весь закован в железо и сталь и подпирает голову могучими руками. Длинная борода его крепко приросла к мраморной доске стола. Он спит и видит во сне все, что делается в Дании. Каждый сочельник является к нему ангел Господен и говорит, что все виденное им во сне — правда и что он еще может пока спать спокойно: Дании не угрожает никакая серьезная опасность. А настань эта грозная минута — старый Гольгер-Данске воспрянет, так что мраморная доска стола треснет, когда он потянет свою бороду. Он выйдет на волю и так ударит мечом, что гром раздастся по всему свету.

Так рассказывал старый дед своему маленькому внуку, и мальчик знал, что все это правда, ведь рассказывал сам дедушка. Старик же, рассказывая, вырезывал из дерева большую фигуру самого Гольгера-Данске. Старый дед занимался вырезыванием фигур для украшения кораблей соответственно их названиям. Теперь вот он вырезал Гольгера-Данске: герой с длинною седою бородой стоял так прямо и гордо, держа в одной руке меч, а другою опираясь на датский герб. Много еще рассказал старый дед о других замечательных мужах и женах Дании, и под конец внуку стало казаться, будто и он знает теперь не меньше самого Гольгера-Данске, который видел все это только во сне. Головка мальчика была переполнена всеми этими рассказами, и, улегшись в постель, он крепко прижал свой подбородок к подушке, вообразив, что это у него борода, которая крепко приросла к постели.

А старый дед все еще сидел за своею работой, вырезывая последнюю часть фигуры — датский герб. Наконец работа была кончена, он взглянул на нее и стал припоминать все, что когда-то читал, слышал и сейчас сам рассказывал внуку; потом тряхнул головой, снял и протер очки, опять надел их и промолвил:

— Да, в мое время Гольгер-Данске, пожалуй, и не придет, но мальчуган, может быть, увидит его и будет биться с ним рядом, когда дело дойдет до серьезного!

Тут дедушка опять кивнул головой, не сводя глаз с фигуры: чем больше он смотрел на своего Гольгера-Данске, тем яснее видел, что работа ему очень удалась. Ему стало даже казаться, что фигура вдруг покрылась красками, броня заблестела, сердца на датском гербе стали больше и заалели, а львы с золотыми коронами на головах запрыгали.

— Да, у нас, датчан, лучший герб в мире! — сказал старик. — Львы — эмблема силы, а сердца — кротости и любви!

Он взглянул на крайнего льва, и ему вспомнился Кнуд Великий, который приковал к датскому трону великую Англию; взглянул на другого — вспомнился Вальдемар, который вновь собрал Данию и покорил вендов; взглянул на третьего — вспомнилась Маргарита, объединившая Данию, Швецию и Норвегию. И алые сердца на гербе вдруг стали еще ярче, каждое обратилось под конец в движущееся пламя, и мысль старика последовала за каждым.

Первое пламя привело его в узкую мрачную темницу, где сидела прекрасная пленница — дочь

Кристиана Четвертого, Элеонора Ульфельдт (Любимая дочь короля Кристиана IV; была замужем за одним из первых сановников государства — Корфицем Ульфельдтом. В царствование брата Элеоноры, Фредерика III, Корфиц был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни, но успел бежать за границу. За это пришлось поплатиться его невинной жене; ее заключили в темницу, где она и провела 22 года, пока не умерла ненавидевшая ее невестка, супруга короля София-Амалия. — Примеч. перев.); пламя расцвело на ее груди розой и слилось с сердцем этой лучшей, благороднейшей дочери.
— Да, это сердце из датского герба! — проговорил старик.
И его мысли понеслись за пламенем второго сердца. Оно привело его к морю. Пушки палили, корабли исчезали в облаках дыма, и пламя обвило, как орденскою лентой, грудь адмирала Витфельда, который ради спасения датского флота взорвал себя и свой корабль.
Третье пламя привело его к жалким хижинам Гренландии. Там проповедовал любовь и словом и делом миссионер Ганс Эгеде; пламя превратилось в звезду на его груди, в которой билось еще одно сердце из датского герба.
И мысли старика забежали вперед четвертого пламени — он знал, куда оно приведет. В жалкой хижине бедной крестьянки стоял Фредерик Шестой и чертил мелом на балке свое имя; пламя заколебалось на его груди, слилось с его сердцем. В крестьянской хижине его сердце стало одним из сердец датского герба. И старый дед отер глаза: он лично знал этого доброго короля Фредерика, с серебристыми седыми волосами и честными голубыми глазами, и служил ему. Старик скрестил руки и задумался, молча глядя перед собою. Тут подошла к нему невестка и сказала, что уже поздно — пора ему отдохнуть, да и ужин на столе.
—   Но что за прелесть у тебя вышла, дедушка! — сказала она. — Гольгер-Данске и весь наш герб! Право, я как будто где-то видела это лицо!
—   Нет, ты-то не видела! — ответил старый дед. — А вот я видел — по памяти и вырезал его. Это было, когда англичане стояли у нас на рейде, второго апреля 1801 г., и когда мы все опять почувствовали себя прежними молодцами датчанами! Я был на «Дании», в эскадре Стена Билля, и рядом со мною стоял матрос. Право, ядра словно боялись его! Он весело распевал старинные песни, без устали заряжал орудия и стрелял. Нет, что там ни говори — это был не простой смертный! Я еще вижу перед собою его лицо, но откуда он был, куда девался потом — никто не знал. Мне часто приходило в голову, что это был сам старик Гольгер-Данске, который приплыл к нам из Кронборга и помог в час опасности. Вот я и вырезал его изображение.
Фигура бросала огромную тень на стены и даже на потолок; казалось, что за нею стоял живой Гольгер-Данске. Тень шевелилась, но это могло быть и оттого, что свеча горела не совсем ровно.
Невестка поцеловала старика и повела его к большому креслу; старик сел за стол, сели и невестка с мужем — сыном старика и отцом мальчугана, который был уже в постели. Дед и за ужином говорил о датских львах и сердцах, о силе и кротости, объясняя, что есть и другая сила, кроме той, что опирается на меч. При этом он указал на полку, где лежали старые книги, между прочим все комедии Хольберга (Хольберг (1685—1754) — гениальный датский писатель, «отец датской литературы». — Примеч. перев.). Как видно, ими тут зачитывались, ведь они такие забавные, а выведенные в них лица и типы давней старины кажутся живыми и до сих пор.
—   Вот он тоже умел наносить удары! — сказал дедушка. — Он старался обрубать все уродливости и угловатости людские. — Затем старик кивнул на зеркало, за которое был заткнут календарь, и сказал: — Тихо Браге (Знаменитый датский астроном (1546—1601). — Примеч. перев.) тоже владел мечом, но он употреблял его не для того, чтобы проливать кровь, а чтобы проложить верную дорогу между звездами небесными!.. А Торвальдсен, сын такого же простого резчика, как я, Торвальдсен, которого мы видели сами, седой,

широкоплечий старец, чье имя известно всему свету! Вот он владел резцом, умел рубить, а я только строгаю! Да, Гольгер-Данске является в различных видах, и слава Дании гремит по всему свету! Выпьем же за здоровье Бертеля! (Имя Торвальдсена, славного датского скульптора (1770—1844). — Примеч. перев.)

А мальчуган в это время так ясно видел во сне старинный Кронборг, подземелье и самого Гольгера-Данске, сидящего с приросшею к столу бородою. Он спит и видит во сне все, что совершается в Дании, видит и то, что делается в бедной комнатке резчика, слышит все, что там говорится, и кивает во сне головой:

— Да, только помните обо мне, датчане! Только помните обо мне! Я явлюсь в час опасности!

А над Кронборгом сияет ясный день; ветер доносит с соседней земли звуки охотничьих рогов; мимо плывут корабли и здороваются: бум! бум! И из Кронборга отвечают: бум! бум! Но Гольгер-Данске не просыпается, как громко ни палят пушки: это ведь только «Здравия желаем!» и «Спасибо!» Не такая должна пойти пальба, чтобы разбудить его, но тогда уж он пробудится непременно — Гольгер-Данске еще силен!